

В родном селе по-особому многое отзывается в твоей душе. Резанет от того, что увидишь на единственной длинной улице, где не разминуться с прошлым; «И глядишь ей во след, // И себя прокли-наешь // За ошибки семнадцати лет...» К счастью, в ниспосланной нам свыше жизни существует спасительное, пусть и очень хрупкое неустойчивое равновесие, где печаль о прошлом соседствует с радостью от настоящего: «Тихую радость раду-юсь, // Лад на душе и уют. // Словно за милую сва-таюсь // И за меня отдают». Словно... Как буд-то... И все это может случиться внезапно в одном уходящем дне, с утра похожем на тысячи прежде суетно прожитых тобою дней...

Близок летний сельский вечер — огромный знойный диск солнца идет на закат. Соприкоснувшись с горизонтом, он словно надеется обрести прочность опоры, но тут же убеждается в земной непрочности, погружаясь и погружаясь в ее глубину, напоминая о себе игрой света на небе и по-коем на земле...

Предчувствие сельского вечера с его закатом как предчувствие мимолетного счастья, как самые трепетные мгновения жизни, когда возникает в

человеческой душе необъяснимо радостное состояние и понимание общности и сближения людей:

Я вами сейчас надышусь —
На этом счастливом закате.

Не стану сравнивать вечера сельские и городские, не стану хвалить одни, противопоставлять их друг другу. Все они по-своему хороши. Вечерний закат в Кольцовском сквере с его шуршащими струями фонтана, где так же возможно: «Я вами сейчас надышусь...»

Летний вечер в моем родном, панинском селе Криуше, как и в других воронежских селах, помимо красоты, еще и продолжение дневных забот. Идет полив на огородах, в цветниках. Тетя Шура, которая живет от нас через дорогу, согнувшись, она и ходит так постоянно в последние годы, поливает по-старому — из ведра, звякая кружкой. Соседка-дачница, там, где резиновый шланг не достает, поливает цветы из лейки. И пусть еле-еле, но уже прохладно тянет вечерней свежестью от политой водой земли, обжигающе нагретой за день. Есть во всем этом и другое —

Поливает женщина цветы.
Есть ли что привычнее и проще?
Но ее движений легкий росчерк
Вечеру добавил красоты...

Раньше приметой летнего вечера у нас в селе, как и всюду, было возвращение стада домашних коров с пастьбы, особая радость при виде входящих в село коров. И ведь, удивительно, ничего же особенного в том не было — все буднично, просто, привычно. И, тем не менее, осталось как память сердца, которая сильнее рассудка памяти —

Отпел петух. Пригнали стадо.
Ушел незримо день в луга.
Сошла вечерняя прохлада,
Как тень, на теплые дома.

Конечно, отроческая тайна радости при виде возвращающегося с летнего пастбища стада коров тогда-то для меня, видимо, напрямую была связана с тем, что я во все глаза старался увидеть и сразу же громко звать Малинку. Но теперь-то зачем я, пусть и не выбегаю, но ускоряю шаг к калитке?! Смотреть-то уже не на кого: на огромную половину села — в один конец пять коров, в другой, именуемый Юровкой, — семь. Потому и нет, как раньше, наемных постоянных пастухов. Неподдающиеся селяне мои, держатели коров, сейчас пасут по очереди, сменяясь ежедневно. Все это вносит особую при возвращении крохотного стада: иногда все проходит тихо, иногда шумливо, крикливо, с хлопаньем кнута: в зависимости от того, кто пас. Дело, наверное, и в собственных ощущениях:

А память прошлое хранит,
Моя душа туда стремится:
Так, вздрогнув, все еще летит
Убитая в полете птица.

...Я иду от калитки, вспоминая ту очередность, что следовала тогда, после возвращения Малинки из стада. Корова привязана. Мать, положив накошенную траву, начинает ее доить. Мне можно собираться в наш сельский клуб. В клуб, скрытно и волнующе приближаясь к самому трепетному, что возникает на пороге юности — способности безоглядно влюбляться и уже постигать счастье от этой чистой влюбленности:

И глаза голубей небудки,
И тот клуб,
Где веселые шутки,
И счастливое
Черно-белое наше кино.

Жизнь, как это часто бывает, разнесла в разные стороны. Но ведь было! И столько всего за плечами...

Это было давно...
Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья,
И канули в вечность года.
Утомленное сердце
О прошлом теперь позабыло...
Это было давно...
Я не помню, когда это было...
Может быть, никогда...

Нет, нет, было, было! Я невольно вздрагиваю, а могло и не быть! Как были бы незаметнее, беспмятнее вы, мое отрочество, моя нахлынувшая юность...

Хорош прохладный вечер лета! Во мне он неудержимо рождает «безумной нежности припадок» и к прошлому, и к настоящему. Подходит мой самый близкий, самый надежный человек и садится рядом на скамейку. Кто-то написал прямо-таки про нас:

Мы не венчаны с тобой,
На запаханной усадьбе
Приголублены судьбой.
Оба были бобыли,
В угол брошенный пришли,
Не могли налюбоваться,
Наглядеться не могли.
Сели мы под образа,
И растеплились глаза...
Скособоченной избой
Мы повязаны с тобой,
Где бока печные светлы,
Где наличник голубой.
Видно, нужен просто дом
Да три грядки под окном,
Да бесхитростные ветлы
Над канавой, над прудом...

Как же порой, действительно, мало надо для покоя в душе и простого житейского счастья. Сидим на деревянной скамейке, невесть когда выстроганной нашим сельским плотником, сидим больше молча, понимая друг друга с полуслова, когда вовсе и не надо что-либо объяснять:

Есть голос и у скрытой боли.
...А вдруг и ты — такая боль!
Вдруг и молчанье — поневоле!
И горек ветер над тобой?
Вдруг только малость замечаю,
Мой слух не стоит ни гроша:
Живет, омытая печалью,
Твоя негромкая душа.

Хорошо, что хоть на миг подумал об этом, потому что в житейской обыденности, в суетливой круговерти не до того, да и проявления чувств начинаешь как-то стыдиться и потому скрывать...

С приближением темноты укладываю во дворе небольшую кучку хвороста, припасаю еще, и после этого зажигаю наш семейный костерчик:

Горят веселые дрова,
Как на ветру мои слова.
И скачет пламя золотое,
Пьяна без хмеля голова.
А вечер выдался хорош.
И унимает сердце дрожь,
И блещут звезды золотые,
И слышу: ты ко мне идешь.
Ты сядешь молча у костра,
Моя светлейшая сестра.
Любовь, ромашка золотая,
И ночь опустится быстра.

И так хорошо, так хорошо! Но так мы, люди, видимо, устроены — неотвратимо хочется чего-то большего, иного, неизведанного, несбыточного...

Так ли это? Вот почему утром попалась мне под руку публикация об истории романа «Калитка»? Оказывается, только в восьмидесятые годы века двадцатого установили, что слова романа, известного как «Калитка», принадлежат ныне забытому Алексею Николаевичу Будищеву (1867–1916), автору романов, повестей, рассказов.

Правда, мало ли что прочитаешь порой за день. Иная, иная, конечно же, здесь причина. Причина тому вот этот обычный летний сельский вечер, извечная пора таинства, любви и свиданий, которая утрачивается с возрастом, но усиливается в желаниях:

Лишь только вечер
затеплится синий,
Лишь только звезды
зажгут небеса,
И черемух серебряный иней
Уберет жемчугами роса.
Отвори потихоньку калитку
И войди в тихий садик,
как тень,
Не забудь потемнее накидку,
Кружева на головку надень.
Там, где гуще сплетаются
ветки,
У беседки тебя подожду
И на самом пороге беседки
Кружева с милых уст отведаю...

Вижу, как наш сад, не песенный, густо вбирает сумерки, может, потому, что сильно загушен по моей вине и «как неприкаянный ребенок сад отбивается от рук». Беседку я там не выстроил. Но тень видится, тень мечты. Потом исчезает. Нет, не исчезает, а та давняя — «*тень твоя, милая женщина, нежно идет на ущерб*», как идет на ущерб и луна на вечернем небе.

...Костер наш догорел. Сидим на скамейке, терпеливо ждем, когда угли совсем почернеют...

Все постепенно меняется вокруг. Идет непостижимая для человека борьба света и тьмы, отзываясь многоголосно в душе... Вечерний звон...

Как много дум наводит он
О юных днях, в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон...

Если и не петь, то будет кто-то вот так же, как я сейчас, простодушно и зачарованно смотреть на вечерний закат...

А вот уже разрастается и разрастается «безумной нежности припадок, предвосхищающие смертных мук». И не о смертных муках думы, а о том, чтобы не вскоре случилось то, как в стихотворении Юрия Кузнецова «Отсутствие»:

Ты придешь, не застанешь меня
И заплачешь, заплачешь.
В подстаканнике чай,
Как звезда, догорая, чадит.
Стул в моем пиджаке
Тебя сзади обнимет за плечи.
А когда ты устанешь,
Он рядом всю ночь просидит.
Этот чай догорит.
На заре ты уйдешь потихоньку.
Станешь ждать, что приду,
Соловьем загремлю у ворот.
Позвонишь.
Стул в моем пиджаке
Подойдет к телефону,
Скажет:
— Вышел. Весь вышел.
Не знаю, когда и придет...

Ладно, видно будет: как да что. А пока...

А пока я здесь, рядом и вместе. Чуть ласковее, чем всегда, зову идти спать, предвзвизывая все нашим привычным тихим поздним чаепитием. И в самом деле: зачем, как сказал древний мудрец, тревожить слабую душу проблемами вечности? Наша жизнь — это то, что сейчас. Ведь к неожиданной радости моей простое бытие наполнилось небесной и земной сутью, поскольку обрелось прикосновение к чему-то большему в этот очередной такой обычный по своей сути сельский вечер:

Я к вам уже хорошо отношусь,
И думаю — этого хватит.
Я вами сейчас надышусь
На этом счастливом закате.

* * *

И вечерний закат в селе может душу перевернуть. И погода, и природа, и времена года. Скажем, та же осень, когда в селе все-все по-особенному: «Все открыто пристальному взору — // Дно речное, паутинок нить. // Очень любит осень в эту пору // Отобрать, отсеять, отцедить...»

И ВДРУГ ОБРАЗУМИШЬСЯ: ОСЕНЬ!

Я молчу тревогою объятый:
Эта осень видит все насквозь.
Мой сосед стоит у ближней хаты,
У него в руках доска и гвоздь.

Тоже смотрит долго, сокровенно
И вздыхает: — Ну, брат, я решил,
Я сегодня валенки надену,
Понимаешь, валенки подшил.

Он смеется: что придумал строчку?
Или снова юноша влюблен?
Надевает валенки — и точка,
Думает, что жизнью умудрен...

А провидец он, однако, мой сосед, похожий на героя стихотворения Владимира Соколова, тоже заранее подшивший валенки.

У меня нет зависти к валенкам соседа, который их загодя подшил. Мне в селе не зимовать. Я уеду в город, где почти устойчиво «зима в городах сиротлива».

И не потребуется, как в известной русской народной песне, «валенки подшить, чтобы к миленькой ходить». Моя миленькая, которая приезжала на лето и с которой отношения заметно превысили прежние приятельские взаимоотношения, уехала, вписав в мой мобильник номер своего телефона и оставив зыбкую неясную надежду. А пока... «Мую любовь уносит все, и прежде... осень».

Теперь в округе тихо и пусто, из лета разъехались все...

Стоит осенний сентябрь... у нее... у меня...

У меня с безрадостным продолжением, потому что вышло задержаться, вот и будет «печален долгий вечер в октябре...»

После отъезда в город, отъезда, как бегства, в город, где когда-то «на площадь вышли мы — нас ветер в стороны разнес...»

Теперь вот осень разнесла.

Наши души еще не привыкли к разлуке.
Все друг друга зовут трепетанием плещущих крыл.
Кто-то высший развел наши нежно сплетенные руки,
Но о помнящих памятно душах забыл.
Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из солнечных строчек опять улыбаешься мне.
Нам позволено все, нас земная тоска не разбудит,
Ты из сна — я во сне, я из сна — ты во сне.
Кто-то высший нас отдал несказанно сладостной муке...

Робко надеюсь, что зацепило только меня, только меня, а у нее, в ней самой, покойно и тихо...

А вдруг — все не так? Вдруг, не сговариваясь, мы «едино подводим итоги: / Как взрослые — твердо и сухо, / Как дети, надеясь на чудо, / Которое есть и, которого... нет».

Сострадательные противоречия людей среди противоречивой осени...

Еще и солнце радует,
И синий воздух чист.
Но падает и падает
С деревьев мертвый лист.

Льют, льют, льют бронзовые ливни огненно-черными листьями...
Когда-то один из листьев остался у поэта Багрицкого орденom:

Я прохожу по бульварам. Свист
В ветках деревьев. Гудит аллея.
Орденю осени ржавый лист
Силою ветра к груди приклеен.

Для ордена осени нужен подвиг, а по моему душевному состоянию ближе «Осенний романс» поэта серебряного века Иннокентия Анненского:

Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, — а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листья...

Когда ходили трамваи, на воронежских окраинах, где особенно несло из парковых и лесных аллей листвой понизу, сверху на растяжках жестяные трафаретки предупреждали вагоновожатых: «Осторожно, листопад!»

Для моего «трамвая желаний» предупреждения бесполезны, осенний листопад — желанья молодые — дорога юзом... не бывает труднее.

Любовь последняя...

Радость, наказание, обретение, расплата — что?

Заповедано нам, людям, за то, что мы не любили здесь, мы будем наказаны на том свете, а на этом, не ведая для самих себя, расплачиваться сожалением, совестью, тоской:

Когда прозрачный лес,
едва земли касаясь,
застынет,
а река замрет в ночной тиши,
стареющих подруг,
седеющих красавиц
ты молча приведи
под сень твоей души.
Ты тоже — как они.
И все твои надежды,
лукавство
и ночей случайное тепло,
любовь, что предал ты,
все то, что было прежде, —
все стало камнем вдруг
и на сердце легло...
Ну что ж, пусть будет так!
У всех — свои печали.
Своя длина дорог,
Своя цена расплат...

Теперь, когда «ты тоже — как они», но с грузом поздней, — то ли да, то ли нет, — взаимной любви, быть может, и поймешь...

Поймешь, постигая, последняя любовь: что? — радость или наказание, обретение или расплата? И да осенит вдруг осенью, возьмешь да и поставишь вместо разделительного союза «или» соединительный — «и». И да обретется единение в воскресшей по чувствам «чаше осени», как и в одноименном стихотворении поэта Бухараева единство всплеска весенних переживаний на грани осеннего нервного срыва, надежды на счастье и одновременной его утраты:

С утра все было, как в любви,
хотя б и осень,
в зазорах рдеющей листвы
зияла просинь;
где упала полутьнь,
где разумелось...

С утра стоял хрустальный день,
куда что делось?
В высокой чаше бытия
с утра и в полночь
была горчинка забытья,
а нынче — горечь.

Горечь и радость от преследующего наваждения: «Следы на осенней земле, / Следы за оградой, за садом. / Куда ни посмотришь, везде, / Следы твоего пребывания — // На дереве и на звезде, / На страхе и на упованье...»

А не самообман ли, а? Ведь было уже, было, преследовало годами, годами же и истончилось, ничего не осталось, но и совсем не отпустило, не дало памяти навсегда избыться:

Ни имени не помню, ни лица,
А только помню — осень,
вечер, дождь.
Я долго ждал у твоего крыльца,
Надеясь, что ты
все-таки придешь.

Насквозь промокли кепка и пальто,
Как будто слышен чей-то разговор...
А было ли на самом деле то,
О чем я вспоминаю до сих пор?!
Навеки наши разошлись пути,
А я гляжу в немую темноту,
И надо бы очнуться и уйти,
А я все до сих пор чего-то жду.

А теперь-то будет еще более тяжело... желанья молодые — осенний листопад...

А если встряхнуться все-таки, отбросить наваждение, как палый лист?! Не для того же она, осень, в самом деле, чтобы оказаться только как «испытание памятью, пусть довольно застенчивой, но весьма величавой — испытание женщиной...»

Все-таки человек не шмель, которому при всем красивом обличье не дано пережить человеческую радость, равно как и человеческую печаль, которая дорогого стоит! Вспомним «Последнего шмеля» Ивана Алексеевича Бунина:

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

У Бунина, к тому же, Осень с большой буквы! —

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой
Глубокий и немой покой —
Предвестник долгого ненастья.

О неизбежности перехода от сказочной красоты осени к осеннему ненастью, о неизбежности смены счастья несчастьем у Бунина и поэзией: «Лес, точно терем расписной...», «Под дождем осенним тлея, чернеет темная листва...», и прозой: «Была глубокая осень. Стояли последние холодные грязи»...

Вернешься очами, перечитаешь в рассказе эти «холодные грязи», вздрогнешь, сведа лопатки на спине, поежишься... оцепенеешь. И вдруг образумишься: осень!

Осень года — осень жизни.

Дни лукавы...

Дни осенние еще и светом короче — длиннее тьмой.

Для людей, кои, скажем, на шестом-седьмом десятке, дни осенние как особое последнее предостережение:

Теперь не годы, только дни.
И каждый пуще прежних дорог:
Перешагни, перегони,
Перелети, хоть ты объедок,
Лоскут, который съела моль, —
Не жизнь прожить, а напоследок
Додумать, доглядеть изволь...

О насущной необходимости собственного вразумления именно осенью есть вещь подказка поэта Владимира Соколова о загадочности и пророчестве Осени. Все мы «на примете у большой и пристальной поры», когда —

Вместе и зелень, и млечность.
Нет еще зимних тиранств.
Милая недолговечность —
Лучшее из постоянств!